

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2019 Issue: 10 Volume: 78

Published: 08.10.2019 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Nigora Abibullayevna Alisultonova

Andijan State University

Teacher of the Department of Russian language and literature

(Department of Kyrgyz language and literature) of the faculty of Philology

nigora1701@mail.ru

TO THE QUESTION OF FOLKLORE PRECURSORS OF PROSE CH. AITMATOV: MYTHOPOIETIC VIEW (ON THE MATERIAL OF THE STORY «MOTHER'S FIELD»)

Abstract: In the article on the material of the story «Samanchin Zholu» («The road of the strawman») or «The Mother's field» - translated into Russian, the folklorisms and mythopoetic view in the structure of the fiction of Ch. Aitmatov are analyzed. These vectors of the study are developed on the basis of such principles of analysis as «from form to content», «from image-symbol to myth/archetype», which allows to clearly trace the functioning of folklorism and mythological foundations of the writer's prose.

Key words: Folklorism, mythopoetics, image-symbol, archetype, "symbolic Universe", cosmonim "Milky Way", title, strong positions of text.

Language: Russian

Citation: Alisultonova, N. A. (2019). To the question of folklore precursors of prose Ch. Aitmatov: mythopoetic view (on the material of the story «Mother's field»). *ISJ Theoretical & Applied Science*, 10 (78), 51-55.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-10-78-8> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.10.78.8>

Scopus ASCC: 1208.

К вопросу о фольклорных предтечах прозы Ч.Т.Айтматова: мифопоэтический ракурс (на материале повести «Материнское поле»)

Аннотация: В статье на материале повести «Саманчинын жолу» («Дорога соломищика») или «Материнское поле» - в переводе на русский язык, анализируются фольклоризмы и мифопоэтический ракурс в структуре художественного текста Ч.Т.Айтматова. Данные векторы исследования разрабатываются на основе таких принципов анализа, как «от формы к содержанию», «от образа-символа к мифу/архетипу», что позволяет наглядно проследить функционирование фольклоризмов и мифологических основ прозы писателя.

Ключевые слова: Фольклоризмы, мифопоэтика, образ-символ, архетип, «Символическая Вселенная», космоним «Млечный путь», заглавие, сильные позиции текста.

Введение

Устное народное творчество, фольклор, являющийся одной из незаменимых основ в формировании художественности, обладает целый рядом специфических свойств трансформации и интерпретации в культурно-историческом, национально-ментальном, литературно-художественном пространстве.

В работах многих исследователей, таких как Р.Барт, А. Лосев, К.Леви-Строс, Э. Кассирер и других, приводятся различные концепции и

истолкования возникновения и развития понятия «миф» и «символ», которые, безусловно, являются базисом многих как литературных, так и фольклорных текстов. «Символическая Вселенная» художественного пространства, в том числе и мифологического, – это идеальная сфера для воплощения авторского замысла, это лоно для реализации авторской интенции, передачи ментальных особенностей текста. При этом, в зависимости от принадлежности автора к той или иной национальной литературе, «Символическая

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Вселенная» мифа может сужаться/расширяться – это может происходить за счет пополнения мифологического «арсенала»: использование мифологем, символов-архетипов и т.д.

Основная часть

Соглашаясь с мнением исследователей-фольклористов, выраженным в книге «Фольклор: структура, типология, семиотика» [4; с.5], мы также выделяем основные четыре зоны функционирования исследуемого предмета:

1. Собственно-фольклорные тексты «устной культуры»;

2. Традиция;

3. Картина мира и ее компоненты (мифологические представления);

4. Тексты, относящиеся к бытовой обрядности, к устойчивым обыденным жестам [4; с.7]

Одной из современных задач фольклористики на сегодняшний день – является вопрос о трансформации и модифицировании фольклорных текстов или их элементов в составе художественной картины мира того или иного автора-писателя. Для разработки и пояснения данной сферы и ее направленности (антропоцентрической) теории привлекают также и понятие «картина мира» или «концептосфера», что является наиболее продуктивным в нынешнем этапе развития научно-гуманитарной мысли.

В данной работе на примере повести Ч.Т.Айтматова «Материнское поле» мы проведем комплексный филологический анализ на основе таких принципов как «от заглавия – к содержанию», «от образа – к мифу/архетипу», а также выявим использование и функционирование фольклоризмов в структуре повествования Ч.Т.Айтматова. Обращаясь непосредственно к заглавию произведения, мы отмечаем то, что повесть «Материнское поле» на киргизском языке звучит совершенно иначе: «Саманчинын жолу» («Дорога соломы»). Абсолютное несоответствие заглавий таит в себе иной, культурно-ментальный код, при помощи которого автор передает внутренние, невидимые невооруженным глазом мировоззренческие и бытийные основы нации, народа.

«Дух народа», заложенный в языке, хранящим культурные абсолюты, выраженный на уровне заглавий несет в себе фольклорное начало. «Саманчинын жолу» («Дорога соломы») – образ космонавта «Млечный путь», который своими корнями восходит к обрядовости, понятию временного цикла (цикличности) во многих произведениях, относящихся к устному народному творчеству. Земледелие у народов Средней Азии – это больше чем каждодневная работа (посев, уход и сбор урожая), это акт единения Мира Человека с Миром Природы, это

мифо-сакральное действие, в основе которого лежит принцип круговорота жизни (рождение – посев/ смерть-сбор урожая). В этом отношении слова-образы «дорога»\ «путь» олицетворяют не только определенный отрезок пространственного передвижения героев, а передают онтологически важную единицу – жизненный путь, судьбы героев.

Архаичное представление людей, связанное непосредственно с космонимом «Млечный путь»[11; с.34] - есть своеобразное отражение в звездном небе того, что происходит с ними на земле: «...В полночь, в самую полную пору ночи, я глянула на небо и увидела Дорогу Соломщика - Млечный Путь простирался через весь небосклон широкой серебристой полосой среди звезд. Я вспомнила слова Суванкула и подумала, что, может быть, и в самом деле этой ночью прошел по небу какой-то могучий, добрый хлебобороб с огромной охаткой соломы, оставляя за собой след осыпавшейся мякоти, зерен. И я вдруг представила себе, что когда-нибудь, если исполнятся наши мечты, и мой Суванкул вот так же понесет с гумна солому первого обмолота. Это будет первая охатка соломы своего хлеба. И когда он будет идти с этой пахучей соломой на руках, то за ним останется такая же дорожка растрясенной соломы. Вот так я мечтала сама с собой, и звезды мечтали вместе со мной, и мне вдруг так захотелось, чтобы все это сбылось, и тогда я первый раз обратилась к матери земле с человеческой речью...» [1; с.35].

Ставя себе цель продемонстрировать наглядно место и роль фольклоризмов в текстовом пространстве, мы выводим следующую лексико-семантическую линию: «Мир человека – Мир Природы (ПриРодины) – Путь (дорога) – Земля – Поле – Хлеб». Все вышеперечисленные категории являются доминантными, как в художественном целом повести «Материнское поле», так и во всех фольклорных текстах.

Мифопоэтическая бинарность Солнце\Луна, Человек\Природа, Небо\Земля – это отправные точки в рассмотрении фольклорных начал прозы Ч.Айтматова. Даже иной перевод повести на русский язык указывает именно на фольклорные, мифологические предтечи, которые автор хотел донести до читателя. В центре всего повествования архетипический образ Женщины-Матери, который сам по себе, можно рассмотреть на разных уровнях анализа текста, но главное в этом образе то, что он абсолютно идентичен с образом Земли, также, как и мать, плодоносной, мудрой, терпящей, рождающей и хоронящей в себе детей, людей, время... Это вечный литературно-фольклорный образ, вмещающий в себя, как и бесконечное пространство поля, одну из самых основных бытийных категорий – категорию Памяти.

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Образ «Материнского поля», восходит к древнейшему славяно-русскому архетипу матери сырой земли, который был общим у различных славяно-русских племен [2; с.24]. Культ матери сырой земли в славянской национальной картине мира соотносим с муками рождения и потери ребенка, что само по себе восходит к древнейшему сакральному мировидению человечества. Ценностные представления человечества сокрытые в заглавиях столь разных в переводах проецированы с целью усиления эффекта присутствия на подтекстовом уровне фольклорных мотивов творчества автора. Даже если мы обратим внимание на некоторые примеры из паремиологического фонда фольклора – на пословицы и поговорки, то мы можем проследить следующую связь: например, пословица «Жизнь прожить – не поле перейти», уже несет в себе «бремя» жизненного пути-дороги («Саманчины жолу»/«Дорога соломы»), но в тоже время сохраняет и пространственную локацию – поле («Материнское поле»).

Появление у народов Средней Азии ассоциации Млечного пути с рассыпанной на небе соломой было вполне предсказуемо, так как соломе в хозяйственной деятельности отводилось особое место. В частности, из нее изготавливали необожженные саманные кирпичи из глины с добавлением соломы, которые служили основным строительным материалом [2; с. 33].

Название «Материнское поле» есть не что иное как скрытая семантическая тавтология: мать – это поле, поле – это мать, но этот повтор, отражающийся один в другом, снова усиливает мифопоэтизацию на художественном уровне. Использование тем или иным автором текстов фольклора изучалось таким исследователем, как А. Лазарев. Он попытался выделить типологические «группы переработки фольклорного материала» писателями:

1.Использование фольклорных элементов в литературном произведении в «бессознательном» обращении к фольклору;

2.Использование фольклорных элементов в сознательном обращении к фольклору и модернизации его материала [10; с.68].

Какой бы художественный принцип бы не преследовал автор – использования тех или иных фольклорных начал указывает на определенный вид стилизации на разных уровнях его проявления, сложности. Фольклоризм, как одно из свойств художественности неравномерно проявляется у разных писателей. Это говорит об идейно-тематической и культурно-исторической направленности их творчества. Так, Ч.Айтматов, не просто транслировал элементы фольклора в своих текстах – он синтезировал, и трансформировал их. В зависимости от авторской интенции. Обращаясь непосредственно к тексту

произведения, мы отмечаем следующие моменты, в основе которых, на разных уровнях сложности, заложен фольклорный материал.

Эпиграф – посвящение.

*«Отец, я не знаю, где ты похоронен.
Посвящаю тебе, Торекулу Айтматову.
Мама, ты вырастила всех нас, четверых.
Посвящаю тебе, Нагиме Айтматовой»* [1; с. 30]

Обращение в эпиграфе-посвящении несет в себе семантику места: «...не знаю, где ты похоронен», но общее место – Земля (поле-кладбище) остается неизменным, упоминание матери «...вырастила всех нас четверых...» соотносимо с самой землей, вырастившей и выкормившей столько людей, также как и Женщина-Мать. Таким образом, в заглавии и эпиграфе уже прочитывается мифопоэтическое начало повествования.

Абсолютно сильная позиция текста – начало повествования: *«В белом свежесстиранном платье, в темном стеганом бешмете, повязанная белым платком, она медленно идет по тропе среди жнивья. Вокруг никого нет. Отшумело лето. Не слышно в поле голосов людей...»* [1; с.31]. Цветовой символизм, играющий одну из ключевых ролей в фольклорных текстах, встречается и здесь: белый платок и платье «свежесстиранное», указывает на то, что в дальнейшем последует важное действие – диалог-рассказание, разговор по душам Матери Земли и Женщины-Матери;

Диалоговая форма построения повествования, как основа авторской идеи: *«...Земля отдыхает после жатвы. Скоро начнется ненастье, польют дожди, запорошит землю первым снегом и грянут бураны. А пока здесь тишина и покой. Не надо мешать ей. Вот она останавливается и долго смотрит вокруг потускневшими, старыми глазами.*

- Здравствуй, поле, - тихо говорит она.

- Здравствуй, Толгонай. Ты пришла? И еще постарела. Совсем седая. С посошком.

- Да, старею. Прошел еще один год, а у тебя, поле, еще одна жатва. Сегодня день поминовения.

- Знаю. Жду тебя, Толгонай...»[1; с. 35].

Именно благодаря диалогу раскрывается мифопоэтический материал: разговор-беседа Женщины с Землей, которая олицетворена, одухотворена.

Поле как основное место происшествия, как действенный герой-фон повествования, на котором происходят основные витальные коллизии, разрешаются вопросы мировидения героев:

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

«... - Если земля и вода будут поделены всем поровну, если и у нас будет свое поле, если и мы будем пахать, сеять, свой хлеб молотить - это и будет нашим счастьем. А большего счастья человеку и не надо, Толгон. Счастье хлебороба в том, что он посеет да пожнет. Мне почему-то очень понравились его слова, стало так хорошо от этих слов...»[1; с.39] (Ср., пословицы: Хлеб всему голова; Крошка хлеба-тоже хлеб).

Мифопоэтическое единение Мира человека с миром природы: «...И земля в ту синюю светлую ночь была счастлива вместе с нами. Земля тоже наслаждалась прохладой и тишиной. Над всей степью стоял чуткий покой. В арыке лепетала вода...; «...Он носил меня на руках, что-то еще говорил, называл меня жаворонком и другими забавными именами, а я, обхватив его за шею, хохотала, болтала ногами, смеялась - ведь жаворонком называют только маленьких детей, и все же как хорошо было слышать такие слова! А солнце только-только всходило, поднималось краем глаза из-за горы. Суванкул отпустил меня, обнял за плечи и вдруг крикнул солнцу: - Эй, солнце, смотри, вот моя жена! Смотри, какая она у меня! Плати мне за смотрины лучами, светом плати! Не знаю, всерьез или в шутку он так сказал, только я вдруг расплакалась...»[1; с.44].

Принцип цикличности природы, как проявление повторяемости и возвращения к истокам:

«...- Ну, не шуми, Толгон. Подожди, вот настанет весна - и тогда убедишься. Потерпи малость...» [1; с.48].

Сравнение и соотнесение жизни человека с жизнью природы:

«...Время шло, сыновья как-то незаметно, дружно поднялись, словно тополя-одногодки...» (люди-деревья) [1; с.49].

Сила Памяти и обрядовость, связанная с полем (хлебом): «...К вечеру на полевым стане для нас был уже готов хлеб из пшеницы нового урожая. Эту муку приготовили заранее, обмоловив снопы с обкоса, который мы начали неделю назад. Много раз за свою жизнь приводилось мне есть первый хлеб нового урожая, и всякий раз, когда я подношу ко рту первый кусок, мне кажется, совершаю святой обряд. Хлеб этот хотя и темного цвета и немного клейкий, словно бы испеченный из жидко замешанного теста, но ни с чем на свете несравним его сладковатый привкус и необыкновенный дух: пахнет он солнцем, молодой соломой и дымом. Когда проголодавшиеся жнецы пришли на полевой стан и расположились на траве у арыка, солнце уже садилось. Оно пылало в пшенице на дальнем краю...» [1; с.64].

Сакральность, архаичность и ритуальность, выраженная в последовательности действий: «...Касым вымыл в арыке руки и, сядя у скатерти, неторопливо разломил лепешки на куски. - Горячие еще, - сказал он, - бери, мама, ты первой отведай нового хлеба.

Я благословила хлеб и, когда откусила от ломтя, ощутила во рту вроде бы какой-то незнакомый вкус и запах. Это был запах комбайнерских рук - свежего зерна, нагретого железа и керосина. Я брала новые ломти, и все они припахивали керосином, но никогда не ела я такого вкусного хлеба. Потому что это был сыновний хлеб, его держал в своих комбайнерских руках мой сын. Это был народный хлеб - тех, кто вырастил его, тех, кто сидел в тот час рядом с сыном моим на полевым стане. Святой хлеб! Сердце мое переполнилось гордостью за сына, но об этом никто не знал. И я подумала в ту минуту о том, что материнское счастье идет от народного счастья, как стебель от корней. Нет материнской судьбы без народной судьбы. Я и сейчас не отреклась от этой своей веры, что бы ни пережила, как бы круто жизнь не обошлась со мной. Народ жив, потому и я жива...»; «...На другое утро солнце еще не всходило, мы приступили к работе. В тот день мы начали жать новую полосу, хлеба на самом обрыве у реки...» [1; с.74].

Как это видно из вышеприведенных примеров акт и процесс жатвы - есть священный процесс сбора урожая, «плодов» плодоносной Матери-Земли и каждый жест, сопровождающий этот акт - есть указание на архаичное мировоззрение и фольклорные основы повествования. Особое внимание заслуживает прием контраста-антитезы в структуре повествования: противопоставление мирной жизни/мирной, спокойной жатвы - ужасу войне. Каждая страница истории жизни главной героини, как отпечаток, как слепок остается и в памяти Земли: «... - Помню... Я ничего не забываю, Толгонай. С тех пор как стоит мир, следы всех веков во мне, Толгонай. Не вся история в книгах, не вся история в людской памяти - она вся во мне. И жизнь твоя, Толгонай, тоже во мне, моем сердце. Я слышу тебя, Толгонай. Сегодня твой день...» [1; с.56].

Вышеописанный принцип цикличности вновь проявляется в текстовой оппозиции Мир\Война: «...Я натянула поводья, а она побежала, схватилась за гриву коня, ткнулась к моей ноге и зарыдала. Я молчала. А что мне было ей говорить? Потом она подняла голову, а лицо все в глине, в слезах, и сказала всхлипывая:

Impact Factor:

ISRA (India) = 4.971
ISI (Dubai, UAE) = 0.829
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 0.126
ESJI (KZ) = 8.716
SJIF (Morocco) = 5.667

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

- Посмотри, мама, как светит солнце. Посмотри, какое небо, а степь какая, в цветах! А Касым не вернется, да? Никогда не вернется?

*- Нет, не вернется, - ответила я...» [1; с.61]. Данное противопоставление направлено и на другой смысл: мирное время характеризуется счастьем и радостью жатвы, сбора урожая, в то время как война – есть потеря хлеба, борьба за хлеб, борьба за пространство. В центре всего повествования образ Матери, который автор резко не разграничивает между Землей-Матерью и Женщиной-Матерью: «... - *Мать земля, почему не падают горы, почему не разливаются озера, когда погибают такие люди, как Суванкул и Касым? Оба они - отец и сын - были великими хлеборобами.**

Мир извечно держится на таких людях, они его кормят, поят, а в войну они его защищают, они первые становятся воинами. Если бы не война, сколько бы еще дел сделали Суванкул и асым, сколько людей одарили они плодами своего труда, сколько еще полей засеяли бы, сколько еще зерна намолотили бы. И сами, сторицею вознагражденные трудами других, сколько бы еще радостей жизни увидели бы! Скажи мне, мать земля, скажи правду: могут ли люди жить без войны?..» [1; с.57]. Этот риторический вопрос, в основе которого заложен гуманистический принцип, на самом деле автор задает читателям. Умелый подбор Ч.Айтматовым национально-культурных, ментально значимых и аксиологически выведенных на первый план повествования основ – указывает на мастерство и

знание автором истоков устного народного творчества.

Заключение

Говоря о фольклорных предтечах творчества Ч.Т.Айтматова следует особо выделить направленность авторского «Я» писателя на глубинные духовные истоки повествуемого, автор будучи сторонником и представителем реалистической школы немаловажную роль удалял понятию «народного духа», который, соответственно, скрывается в фольклорных текстах в виде и форме слов-архетипов, мифологем, скрытой символики. Ранний интерес к фольклору и ориентированность автора на него проявляется с самого раннего его творчества, попытки использования «иног» текста в его модификации или трансформации в собственном тексте – одни из излюбленных манер творческого почерка писателя.

Фольклорный текст у Ч.Айтматова, в основном, прочитывается на уровне аллюзий и реминисценций-отсылок, выведенных на разные текстовые уровни: будь то заглавие или эпиграф, или будь то идейно-тематическая линия повествования. Это все направлено на возбуждение соответствующей ассоциации в сознании у читателя, ибо фольклор, будучи кладезем неисчерпаемых знаний, может аккумулировать у мастеров пера все новые и новые коннотации и образные вереницы, в дальнейшем отражающихся в индивидуально-авторских текстах.

References:

1. Aitmatov, C. T. (2000). *Materinskoe pole / povesti*. Рассказы. (p.234). Moscow 234 s.
2. Vladimirova, T.E. (2011). Russkiy kod bytiya: tendencii stanovleniya i razvitiya. *Metafizika. M., 2011. № 1*, p, 203.
3. Vladimircsev, V. P. (2013). *Antologiya zhizni i tvorchestva*. Fol'klorizm. (p.232). Moscow.
4. Dmitrieva, E. G. (2009). *Fol'klorizmy kak tret'ya semioticheskaya sistema pri perevode*. (p.134). Moscow.
5. Kairbekov, B. (2012). *Perevodchiki kul'tur*. The International Conference «In memory of Chingiz Aitmatov» (8—9 June 2012 / Orleans House Gallery, Twickenham, TW1 3DJ). (p.227). London.
6. Mamyrov, A. (2012). *O meste i roli rodnogo yazyka v tvorcheskoy deyatel'nosti CHingiza Aitmatova*. The International Conference «In memory of Chingiz Aitmatov» (8—9 June 2012 / Orleans House Gallery, Twickenham, TW1 3DJ). (p.227). London.
7. Meletinskij, E. M. (2000). *Mif. Mifologiya. Fol'klor*. (p.342). Moscow.
8. Mironenko, E. A. (2008). K voprosu o fol'klorizme. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, p.122.
9. Neklyudov, S. Y. (1988). *Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka*. (p.343). Moscow.
10. Stepanova, T. M. (2007). Tipologiya fol'klorizma literaturnyh tekstov. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*, 143 s.
11. Yakovleva, S.V. (2015). *Obraz solomennogo puti v mifopoeticheskoy kartine narodov mira Vestnik CMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika, № 1.*, p.179.